DOI: 10.17117/na.2016.03.04.342

Поступила (Received): 24.03.2016

<http://ucom.ru/doc/na.2016.03.04.342.pdf>**Султанбаева Х.В.****О коммуникативных функциях вопросительных частиц
(на материале башкирского языка)****Sultanbaeva Kh.V.****On the communicative functions of interrogative particles**

В данной статье рассматриваются коммуникативные функции вопросительных частиц в современном башкирском языке. Специфика вопросительных частиц заключается в том, что они являются одним из основных средств грамматического, а также модально-семантического оформления вопросительных предложений. Несмотря на то что эти частицы лишены статуса модальных, они совмещают в себе не только вопросительные, но и модальные значения, а также передают эмоционально-оценочные характеристики высказываниям, в которых актуализируются. Вместе с тем вопросительные частицы выполняют в тексте связующую, т.е. союзную функцию.

Ключевые слова: башкирский язык, вопросительная частица, коммуникативная функция, семантика

This article discusses the communicative functions of interrogative particles in modern Bashkir language. Specificity of interrogative particles is that they are one of the main means of grammatical and semantic-modal registration of interrogative sentences. Despite the fact that these particles are deprived of modal status, they combine not only the interrogative values but also the modal values and convey the emotional and evaluative characteristics of the statements, in which are actualized. However the interrogative particles are made in the text a conjunction's function

Key words: Bashkir language, interrogative particle, communicative function, semantics

Султанбаева Хадиса Валиевна

Доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный университет
г. Уфа, ул. З. Валиди, 32

Sultanbaeva Khadisa Valievna

Doctor of Philology Sciences, Professor
Bashkir state university
Ufa, Z. Validi st., 32

Во всех тюркских языках имеются служебные слова, которые придают различные субъективные, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки целому предложению или отдельным его частям. В грамматической науке их принято называть частицами [3, 117]. Каждая их разрядов частиц требует пристального внимания и детального описания их особенностей. В данном случае мы обратились лишь к одному из его разрядов, а именно вопросительным.

Несмотря на то, что вопросительные частицы являются одним из основных средств грамматического, а также модально-семантического оформления вопросительных предложений, их роль и коммуникативные функции в высказывании выявлены недостаточно. Учитывая такое явление, в данной статье

нами делается попытка исследовать и выявить на основе фактического материала функциональные и семантические особенности и коммуникативные функции вопросительных частиц в башкирском языке.

В современном башкирском языке функционируют следующие вопросительные частицы: -мы/-ме, -мо/-мө, -мы ни/-ме ни, -мо ни/-ме ни, -мы икән/-ме икән, -мы әллә/-ме әллә, -мы һуң/-ме һуң,, -мы икән ни/-ме икән ни [2, 45-46]. Исследования показывают, что функции вопросительных частиц в тексте не ограничиваются только оформлением и выражением вопроса. Несмотря на то, что эти частицы лишены статуса модальных, они совмещают в себе не только вопросительные, но и модальные значения, а также передают эмоционально-оценочные характеристики высказываниям, в которых актуализируются. Вместе с тем вопросительные частицы выполняют в тексте также связующую, т.е. союзную функцию.

В башкирском языке вопросительные частицы выполняют различные синтаксические функции. Вопросительные частицы придают значение вопроса всему предложению. В этом случае вопросительная частица находится в составе сказуемого, на которое падает логическое ударение. Примеры: *Һеҙҙең Бөркөтлөлә булғанығыҙ бармы?* (М.Кәрим). Колхоз радиоузлы *төҙөлдөмө?* (Б. Бикбай). Вопросительная частица может придать значение вопроса не всему предложению, а отдельным членам предложения, например: *Кисә лә һин калдыңмы?* (М. Кәрим).

М.З. Закиев вопросительные предложения делит на общевопросительные и частновопросительные. Предложения типа «Колхоз радиоузлы *төҙөлдөмө?*» он относит к общевопросительным, так как в них «спрашивается весь смысл высказывания» [4, 357]. Частновопросительными он называет такие предложения, в которых спрашивается достоверность понятия, выраженного в других членах предложения, кроме сказуемого. В предложении «*Кисә лә һин калдыңмы?*» вопросительная частица -мы, хотя и входит в состав сказуемого, характеризует не его. Здесь вопрос относится к логически выделяемому второстепенному члену предложения, который, как правило, находится непосредственно перед сказуемым, так же, как и в предложениях «*Һин Өфөнән килдеңме?*»; «*Йыйылыш кисә булдымы?*» и т.д.

Частица -мы/-ме, совсем утратив или частично сохранив свое вопросительное значение, может выполнять союзную функцию. В повествовательных предложениях с однородными членами вопросительная частица выступает в значении разделительного союза. Примеры: – Товарищ, иптәштәр, һеңел, туташтар, бирегеҙ *әле* миңә бер *брошкамы, йөзөкмө...* (С. Агиш). *Дөрөсмө, юкмы* – тормош күрһәтер («Башкортостан»). Вопросительная частица -мы/-ме, замещающая союзную функцию, устанавливает между однородными членами различные смысловые отношения: значения сомнения, неуверенности, неясности, предположения. Как видно из приведенных выше примеров, из тех предметов, действий или качеств, выраженных однородными членами, реально возможным является лишь одно: *брошкамы, йөзөкмө* «либо брошь, либо перстень». Частица -мы/-ме выполняет функцию подчинительного союза в составе временных или условных придаточных предложений. Примеры: Имәнғол Әйүповты күрҙеме –

ене куба ла китә (Н. Мусин). Ғәрипйәнгә барып күрендеңме – ыскынырмын тимә (М. Кәрим). *Өф иттеңме*, бар хозурлык осоп юғалыр төслә... («Башкортостан кызы» журналынан).

Вопросительные частицы органически входят в состав сказуемых и являются одним из активных средств образования вопросительных предложений, вместе с тем они могут придать вопросу различные эмоциональные и модальные оттенки, например, удивление, сомнение, неуверенность, досаду, недоумение и т.д. Частица *-мы/-ме* в сочетании с глаголами 3-го лица повелительного наклонения в отрицательной форме выражает удивление говорящего по поводу неожиданности, внезапности совершения какого-либо действия. Эта форма обычно употребляется в составе аналитической конструкции в сочетании с депричастной формой. Пример: Ун биш минут та үтмәне, машина, арттан кар катыш төтөн бөркөп, гөрләп *эшләй башламаһынмы?* (Ғ. Локманов).

К.Е. Майтинская в своих исследованиях вопросительные частицы делит на две группы: 1) нейтрально-вопросительные и 2) эмоционально-вопросительные [1, 130]. Предложениям с частицами первой группы в русском языке соответствуют вопросительные предложения без какой-либо вопросительной частицы, но произнесенные с вопросительной интонацией. Частицы второй группы соответствуют русским *разве, неужели*. В башкирском языке в эмоционально-вопросительных предложениях вопросительная частица *-мы/-ме* получает дальнейшее развитие, и она, соединяясь с вопросительным местоимением *ни*, образует новую частицу, выражающую вопросительное значение с оттенком сомнения, неуверенности, неопределенности, недовольства и т.д. Таким образом, частица *-мы ни/-ме ни* выражает вопрос, осложненный оттенками удивления, досады, недоумения, сомнения. Пример: Ун биш сакрым алыслыктағы сабынлыктан ат кыуып кайтып, иртәнсәк йәнә килеп *йөрөйһәңмө ни?* (Н. Мусин). Частица *-мы/-ме* часто употребляется с модальной частицей *әллә*, которая в какой-то степени смягчает категоричность вопроса и вносит в вопрос оттенок сомнения. Примеры: Языу кеүек нәмә сыймаклап бирәһегеҙме *әллә?* (А. Таһиров). Частица *-мы/-ме* в сочетании со вспомогательным глаголом *икән* также выражает вопрос с оттенком сомнения, неуверенности, неопределенности. Пример: Әллә, әзерәк кенә озаткас та кайтарып *ебәрерме икән?* (З. Биишева). Частица *-мы ни/-ме ни* выражает также риторический вопрос. Пример: Төптәнерәк уйлап караһаң, ошо үзе батырлык түгелме ни? (Н.Мусин).

В башкирском языке слово *түгел* в сочетании с частицами *-мы/-ме*, *-мы ни/-ме ни*, соответствуя русскому «не так ли?, не правда ли?», зачастую выражает не столько вопрос, сколько уверенность в определенном ответе. Пример: Ә, һин бит әле фронт хәлдәрен *һораша инең түгелме?* (С. Агиш).

В заключении заметим, что изучение функционально-семантических особенностей вопросительных частиц дает нам основание сделать вывод, что вопросительные частицы, являясь одним из основных средств грамматического оформления вопросительных высказываний, тем самым несут большую семантическую нагрузку, т.е. придают отдельным словам или целому высказыванию различные модальные и эмоционально-экспрессивные оттенки. В то же время

они необычайно частотны в художественных текстах, как диалогических, так и монологических.

Список используемых источников:

1. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 576 с.
2. Султанбаева Х.В. Служебные слова в системе частей речи башкирского языка. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. доктора филол. Наук. Уфа: РИЦ Баш ГУ, 2008. 54 с.
3. Султанбаева Х.В. Основные направления изучения частиц в тюркском и башкирском языкознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13 (91). С. 117-122.
4. Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 576 с.

© 2016, Султанбаева Х.В.

О коммуникативных функциях вопросительных частиц (на материале башкирского языка)

© 2016, Sultanbaeva Kh.V.

On the communicative functions of interrogative particles